

POLITICAL SCIENCES

КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ В СССР

Попов М.В.

*Профессор по кафедре экономики и права
Профессор Санкт-Петербургский государственный университет
(Консультант) кафедры социальной философии и философии истории Института философии*

COUNTERREVOLUTION IN THE USSR

Popov M.

*Professor (consultant) Department of Social Philosophy and Philosophy of History,
Institute of Philosophy, Professor, Department of Economics and Law
St. Petersburg State University*

Аннотация

В статье предпринята попытка определить тот исторический момент, когда в СССР произошла политическая контрреволюция и диктатура пролетариата сменилась диктатурой буржуазии, после чего начался переходный период от социализма к капитализму.

Abstract

The article attempts to determine the historical moment when the political counter-revolution took place in the USSR and the dictatorship of the proletariat was replaced by the dictatorship of the bourgeoisie, after which the transition period from socialism to capitalism began.

Ключевые слова: СССР, контрреволюция, диктатура пролетариата, контрреволюция, диктатура буржуазии.

Keywords: USSR, counter-revolution, dictatorship of the proletariat, dictatorship of the bourgeoisie.

Все понимают, что разобраться в том, что произошло – это не только очень сложная проблема и важная тема. В зависимости от этого будет строиться и практика, и политика тех сил, которые победят и совершат новую социалистическую революцию. Наверное, не для того её нужно совершать, чтобы потом потерять завоевания социализма. Поэтому это очень важный вопрос, и он очень сложный.

Сложный потому, что мы, в общем, много читали, слышали, знаем, как совершаются революции. А вот как совершаются контрреволюции?

Ну, есть некое общее понимание... какие-то намётки... Институтом Марксизма-ленинизма был в своё время издан хороший сборник «Маркс, Энгельс, Ленин о борьбе с контрреволюцией».

А что касается конкретной контрреволюции, применительно к стране, в которой социализм построен, то эта тема требует отдельного внимания, отдельного рассмотрения. И для этого надо: во-первых, чётко различать, что такое политическая революция и в целом социальная контрреволюция.

Политическая революция — это нечто одномоментное.

Ведь когда произошла буржуазная революция, она произошла буквально в несколько дней в феврале 1917 года. И так же быстро произошла социалистическая революция, которая низвергла одно государство и установила диктатуру другого класса, политическую. При этом поначалу она ничего не изменила в экономике ровным счётом, абсолютно ничего, а явилась кратковременным политическим актом. Это произошло 7 ноября 1917 года, и мы знаем, как это произошло.

Так же быстро произошёл, хотя и долго готовился, обратный переворот. Потому что контрреволюция – это тоже переворот, а не просто движение вспять. Если идёт движение назад – это разрушение, ослабление, гниение, это что угодно может быть, но если речь идёт о политической контрреволюции, это переворот тоже как одномоментный акт.

Если революция социалистическая, это такой переворот, который изменяет на противоположное политическое положение классов. Если до нее, при буржуазном политическом строе, буржуазия была господствующим классом, а рабочий класс был подчиненным, то когда совершилась политическая революция, рабочий класс стал политически господствующим, а буржуазия подчиненным классом.

Точно так же и в отношении контрреволюции. Если совершилась политическая контрреволюция, то рабочий класс одномоментно стал из политически господствующего снова подчиненным, угнетенным классом. И вынужден приготавливаться к эксплуатации, потому что за политической контрреволюцией приходит противоположный новому старый экономический строй.

Давайте вспомним, сколько лет потребовалось для того, чтобы после социалистической революции политической, которая произошла одномоментно – раз, и собрался Съезд Советов, большевики взяли власть и установили диктатуру пролетариата, – после этого восемнадцать лет прошло, прежде чем у нас после переходного периода утвердился социалистический экономический строй. И тридцать лет прошло, прежде чем в СССР, России

после переходного периода от социализма к капитализму был реставрирован капиталистический экономический строй.

Капиталистический экономический строй в СССР, России установился в 1991 – 1992 году. И мы можем считать, что если 30 лет мы прожили в переходном периоде от коммунизма (поскольку социализм это коммунизм в первой фазе), к капитализму, то это, в общем, довольно длительный период, и никак нельзя сказать, что Советский Союз развалился или распался, как настырно пишут наши политические противники или политически и идеологически неискушенные люди.

Очень жалко, что наши товарищи революционеры повторяют за этими людьми, что, дескать, развалился Советский Союз. Интересный строй получается социализм — самоуничтожающийся, саморазваливающийся. На самом деле становление капиталистического экономического строя после установления диктатуры буржуазии – это длительный процесс, занявший 30 лет. А создавался социалистической экономический строй после установления диктатуры пролетариата сколько лет? Сколько лет занял переходный период? С 1917 по 1936 г. — 18 лет.

Ну, вот, из этого тоже ясно, что становление общественно-экономического строя — это дело длительной классовой борьбы, а вместо классовой борьбы нам сплошь и рядом дают лживые картинки те люди, которые заведомо хотят представить социализм как такой строй, который саморазрушается.

Разумеется, чтобы разобраться в том вопросе, который у нас стоит на повестке дня – «О контрреволюции в СССР», нужно, конечно, воспользоваться диалектической методологией. Потому что, если мы не знаем, какие есть противоречия у рассматриваемого строя, какие есть противоречия в том обществе, в котором совершается контрреволюция, то мы не можем на этот вопрос ответить. Правильно ответить на этот вопрос можно, только если исследованы и поняты противоречия развития социализма.

Если мы возьмем противоречия развития социализма, то, как мы знаем, с каждым противоречием развития связано наличие двух прямо противоположных тенденций. Из противоречий развития, которые разрешаются борьбой противоположностей, вытекают не только прогрессивные тенденции, но и реакционные тенденции, если та сторона, которая является прогрессивной, ослабнет или сложит руки. Или объявит, что борьба прекратилась, или, что мы уже всего достигли, победили полностью и окончательно, что нам, так сказать, ничего больше не надо, и так далее, что сама собой, без борьбы восшествует благодать.

То есть обратный процесс может пойти, и он долгое время может не называться еще тем строем, к которому идёт дело, а просто выражаться в фактическом разрушении, уничтожении, скажем, социализма. Но идёт долго. Вот как обстоит или как обстоит дело.

Попробуем картину буржуазной политической контрреволюции в СССР, за которой последовала реставрация капитализма, воспроизвести.

После смерти Сталина самым крупным и первым политическим событием было убийство Берии, который, будучи наиболее последовательным сторонником проводившейся Сталиным линии на осуществление диктатуры пролетариата, был заместителем председателя Совета Министров, а после смерти Сталина первым заместителем председателя Совета Министров и входил в группу наиболее влиятельных политических фигур.

Туда ещё входили Маленков и Хрущев, и, собственно говоря, ежели кто-то пытался или хотел повернуть и перевернуть курс, который был у страны, у партии прежде всего, а от правящей партии зависел государственный курс, то ему для этого нужно было убрать Берия.

Поэтому убийство Берии с грубо сляпанным обвинением в том, что Берия, якобы, английский шпион, и что он представляет собой некую заговорщическую группу, хотя заговор, наоборот, организовал Хрущев, позволило Хрущеву осуществить переворот в партии.

Переворот! Те люди, которые были против Сталина и ждали его смерти, чтобы изменить партийный и государственный курс на противоположный, решили, что настал такой для них счастливый случай, для чего надо убрать того человека, который будет этот курс продолжать.

Берия, между прочим, был маршалом Советского Союза.

Берия отвечал за всю нашу ядерную и ракетную программу.

Берия отвечал за соответствующие органы правопорядка.

И поэтому он был очень влиятельным человеком.

И в то же время это был человек, который последовательно отстаивал те позиции, которые защищал Иосиф Виссарионович Сталин.

А теперь на арену вышел человек, который долго скрывал себя под маской сторонника и советского строя, и социализма, и поборника, и защитника сталинских позиций – Никита Хрущев. И после организованного им убийства Берии он вскоре себя обнаружил, потому что с его подачи начали происходить такие изменения, которые сводились к уничтожению общественной собственности.

Ну, об этом чуть позже. А сначала для лучшего понимания хочу сказать, в каких противоречиях развивается социализм.

Социализм – это коммунизм в первой, низшей фазе, то есть, коммунизм с отпечатками, «родимыми пятнами» капитализма в экономическом, нравственном и умственном отношении.

Основное противоречие социализма состоит в том, что это противоречие между коммунистической природой социализма и его отрицанием, связанным с выхождением из капитализма.

И соответствующие тенденции: одна тенденция к развитию социализма в полный коммунизм, а

другая тенденция, наоборот, к ослаблению коммунистических начал и к расширению тех самых родимых пятен, которая, если эту тенденцию не тормозить и с ней не бороться, приводит назад к капитализму.

Поэтому надо понимать, что с точки зрения диалектики те термины строительные, технологические, метафизические, которые чаще всего применяют: построили социализм, разрушили социализм, это не то, что нужно для того, чтобы понять, как идёт борьба противоположностей и как развиваются события.

Потому что развитие всякое есть борьба противоположностей. Это движение низшего к высшему, простого к сложному через борьбу противоположных сторон.

Основное противоречие социализма, взятое в более конкретном экономическом виде – это противоречие между непосредственно общественным характером социалистического производства и товарностью как отрицательным моментом непосредственно общественного производства при социализме.

И можно сразу сказать, уже в этом вопросе, что те ученые, которые последовательно защищали непосредственно общественный характер социалистического производства, не были в абсолютном большинстве в сфере экономической науки, и хотя они были достаточно сильной группой, но менее шумной и не столько у них было должностей, постов и возможностей для широкого издания своих работ, как у сторонников понимания социализма как товарного хозяйства.

Хотя я должен констатировать, как участник всесоюзных конференций, которые многократно пытался Горбачев провести, чтобы ученые-экономисты поддержали линию движения на рынок, ни разу это у него не получилось. Везде товарищи, которые выступали с позиций отстаивания непосредственно общественного характера социалистического производства, этому успешно противодействовали: это Сергеев, доктор экономических наук, заведующий сектором методологии Института экономики АН СССР, доктор экономических наук Дерябин, заведующий сектором ценообразования этого института, доктор экономических наук Еремин, старший научный сотрудник Института экономики, доктор экономических наук Кашенко из Ярославля, доктор экономических наук Покрытан из Одессы, доктора экономических наук, заслуженные деятели науки Моисеенко и Ельмеев из Ленинградского университета..., в общем, каждый раз попытка протащить одобрение со стороны экономической науки продавливаемого руководством КПСС движения на рынок кончалось поражением, и таких рекомендаций от всесоюзных экономических конференций, что надо двигаться на рынок, группа Горбачева так и не получила.

Это не прошло, но показало воочию, что и в экономической науке отражается борьба между непосредственно общественным характером социалистического производства и его отрицанием, связанным с выходением из капитализма.

И даже в работе Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» эта борьба отражается, потому что у него прекрасно написано, что средства производства в наших социалистических условиях не являются товарами, и что все эти товарные денежные формы – это формы совершенно другого, принципиально нового социалистического содержания. Но когда речь идёт о предметах потребления, вдруг, почему-то, они изображаются как товары. Но если это товар, то он производится для обмена. Тогда он обменивается с кем? На государственные предприятия нанимаются работники, значит, с работниками. Государство выдаёт им зарплату, а потом эту зарплату они относят магазин, в итоге вытаскивается предмет потребления. И если считать, что предмет потребления – товар, тогда получается, что на него обменивается рабочая сила работников. И тогда рабочая сила – товар, который покупает государство, и тогда это капитализм, если на эту точку зрения встать и последовательно её развивать.

Поэтому и в этом отношении шла борьба. Вот известный экономист Николай Алексеевич Вознесенский, член Политбюро ЦК ВКП(б), председатель Госплана в войну, академик, до войны доказывал, что закон стоимости есть закон стихийного товарно-капиталистического хозяйства, а после войны стал писать, что закон стоимости – закон социализма. А до этого он последовательно придерживался того, что говорил Энгельс: что закон стоимости — это основной закон всякого товарного производства, в том числе и высшей его формы – капиталистического производства. Это пример того, что люди, не штудировавшие Науку Логики Гегеля, не изучавшие диалектику, не могут различить, что есть главное, а что есть основное.

Основной закон – это не значит, что это самый главный закон формации. Потому что, если это основной закон – закон стоимости, он потом превращается в закон прибавочной стоимости, и на поверхности явления вы имеете, ещё более конкретно, погоню за прибылью, как главный двигатель капиталистического хозяйства.

Так вот, рассматриваемое противоречие социалистического развития между непосредственно общественным характером социалистического производства и товарностью как его отрицательным моментом как может быть разрешено в сторону движения вперёд к полному коммунизму, а не назад, к капитализму? Только через борьбу за приоритет общественных экономических интересов.

Если же возобладает приоритет каких-то личных, побочных, узкоклассовых интересов, или не интересов того класса, чьи интересы воплощают интересы всего общества, то это приведёт к движению назад.

Куда? В товарное хозяйство. А товарное хозяйство само уже ежеминутно, ежечасно, как говорил Ленин, рождает капитализм.

Поэтому борьба за приоритет общественных интересов – вот, то, что позволяет сохранять социализм.

А если, скажем, выпускаются такие законы, как закон о мелких хищениях, смысл которого в том был при Хрущеве, что если на 50 рублей ты имущества, находящегося в общественной собственности с завода унёс, то это не подлежит уголовному наказанию. Сегодня ты взял имущества на 50 рублей. А завтра можешь снова на 50 рублей, послезавтра еще на 50 рублей и так далее, и так далее.

И так при Хрущеве эта растащивка общественной собственности стала развиваться. А ранее, как мы знаем, Сталин прямо говорил: если буржуазия, для того чтобы утвердить свою власть и свой строй, сделала частную собственность священной и неприкосновенной, то точно так же мы, если хотим создать социализм и утвердить, и развивать его, мы должны общественную собственность сделать священной и неприкосновенной.

А ведь и до сих пор некоторые скулят по поводу того, почему так жёстко наказывали тех, кто взял не так много.

Потому что, если ты взял не так много, завтра ты унесёшь ещё больше, а не ты, так другие. Скажут: «А вот он столько взял, а я ещё и меньше взял, чем другие». И так далее.

Благодаря последовательному проведению принципа приоритета общественных интересов противоречие между непосредственно общественным характером социалистического производства и товарностью как его отрицательным моментом разрешалось по линии движения вперёд, то есть оно разрешалось борьбой за приоритет общественных интересов.

Вообще весь тот период, который связан со Сталиным, связан с ясным пониманием, что только путём борьбы за интересы общества социализм может двигаться вперёд.

Если вы эту борьбу не ведёте, вы сдаёте позиции и растёт сонм наивных людей, которые начинают рассказывать: «Откуда у нас враги, какие враги, уже все хорошие, уже мы кулаков сослали в Сибирь». Так они приехали обратно. Они приехали, они влиятельны, у них есть люди, у них отношения, у них закопано оружие.

Поэтому удивляться не приходится тому, что это была очень острая борьба.

И государство не выполнило бы своей роли государства диктатуры пролетариата, если бы оно не подавляло, то есть не репрессировало своих противников.

Нет таких государств.

К таким государствам, которые не репрессировали бы, не подавляли бы своих противников, не относятся ни рабовладельческое, ни феодальное, ни капиталистическое, ни социалистическое государство.

Repression – это подавление. Потому что press — давить, на английском языке, а repress – подавлять.

И мы сейчас воочию наблюдаем: подавили рабочий класс, трудящихся, подавили социализм.

Потому что наивные люди решили, что не надо больше подавлять противников социализма.

И такие идеи, что не надо бороться с противоположными, то есть антисоциалистическими, буржуазными тенденциями и их носителями и проводниками, они и раньше были, они присутствовали, но господствующей позицией была, господствующей линией при Сталине, и господствующей линией в деятельности Сталина как видного вождя рабочего класса было именно понимание необходимости классовой борьбы до полного уничтожения классов, использование социалистического государства для борьбы с противниками диктатуры пролетариата.

А что такое при социализме общественные интересы, за которые надо бороться? Общественные интересы — это интересы рабочего класса, наиболее полно и последовательно заинтересованного в полном уничтожении классов. Недостаточно говорить только о народе, о трудящихся, об интересах вообще. Все люди разные, у каждого свои интересы, в том числе противоречивые, но как общественные выступают только интересы рабочего класса. И вопрос при этом стоит не о том, о чем думает тот или иной рабочий или даже весь пролетариат, а о том, что выгодно рабочему классу и, следовательно, о том, подчеркивал Ленин, что исторически он, согласно своему бытию, вынужден будет делать.

Поэтому указанное выше основное противоречие социализма можно конкретизировать таким образом, что имеется противоречие между бесклассовой природой социализма, поскольку это уже коммунизм, хотя и в первой фазе, а коммунизм — бесклассовое общество, и ещё не полностью преодоленным делением общества на классы.

Вот у меня в книге, на которую я могу сослаться и которая вышла в 1986 году в издательстве Ленинградского университета и называется «Планомерное разрешение противоречий развития социализма как первой фазы коммунизма» говорится о противоречии между бесклассовой природой коммунизма и наличием классов в его первой фазе, но это не совсем точно и не совсем правильно. Правильно вторую сторону рассматриваемого противоречия выражать так: «...и еще не полностью преодоленным делением общества на классы». У нас классы были уничтожены **в основном**. То есть социалистическое общество — это уже не общество, разделённое на классы, деление на классы преодолено в основном, поскольку преодолено деление на антагонистические классы. Но для **полного** преодоления классов надо уничтожить различия между городом и деревней, людьми физического и людьми умственного труда.

И как разрешается это противоречие? Борьбой за интересы рабочего класса.

А для того, чтобы эту борьбу успешно осуществлять, в условиях противоречий интересов нужно, чтобы интересы рабочего класса были государством образующими. То есть это можно сделать только с помощью государства рабочего класса, с помощью осуществления его диктатуры. Социалистическое государство — это организованный в господствующий класс пролетариат.

И тогда то же самое противоречие, которые мы рассматривали, будет уже представляться как противоречие между планомерным характером социалистического воспроизводства (а планомерность определена общественным характером производства и интересами рабочего класса, и планомерность говорит о том, что всё, что делается, подчиняется единой цели, а цели должны определяться интересами рабочего класса), между планомерным характером социалистического воспроизводства и элементами стихийности в его организации.

Откуда стихийность?

Во-первых, всё не познаешь, особенно за короткое время разработки плана. Поэтому тут стихийность неизбежна. Мы всё время можем приближаться к истине и никогда её не исчерпаем. То есть у нас есть абсолютная способность к тому, чтобы познавать истину, но возможности за время нашей жизни или в каждый момент развития человечества всё познать, конечно, нет. Поэтому отсюда возникают элементы стихийности, как бы из незнания или неполного знания.

А, с другой стороны, если бы даже мы и знали, и полностью имели знание, этого недостаточно, так как мы все равно должны учитывать различия и противоречия экономических интересов. А план-то выражает интересы именно рабочего класса, а значит, все, которые отклоняются от осуществления этих интересов, оказывают, по существу, противодействие им, в том или ином варианте. Разумеется, не всегда и не во всём.

Возьмем любого трудящегося, члена социалистического общества, самого обыкновенного простого работника. Его интересы противоречивы: он заинтересован в развитии социализма, поскольку с ростом общественного богатства возрастают общественные фонды потребления и, соответственно, потребление из них, растёт фонд распределения по труду, реальное содержание зарплаты повышается, улучшается его жизнь. В то же время, он объективно заинтересован получить большую долю даже и меньшего пирога.

Поэтому у различных членов социалистического общества присутствует не только стремление трудиться во благо общества, но и стремление дать обществу поменьше и похуже, а взять у него побольше и получше. Последнее тоже широко распространено при социализме, и с ним боролись при Сталине, перестали бороться после Сталина. Как это экономическое поведение надо характеризовать?

Что было при капитализме и в переходный от капитализма к коммунизму период характерно для мелкого буржуа как товаропроизводителя: «Мне не то важно, какие пирожки я делаю, мне то важно, что я за это буду иметь». Если я делаю пирожки для продажи, мне неважно: они вкусные или не вкусные, важно, сколько я за эти пирожки получу денег: «Сам бы ел, да деньги надо». А сейчас делают и такие пирожки, что сам бы производитель их ни за что есть не стал. А деньги надо. И продают пирожки, в которых мясо удалено и заменено на то, что к мясу никакого отношения не имеет.

Есть даже такое понятие, как «техническое мясо», которое может быть использовано при производстве колбас, но не разрешено его продавать непосредственно, которое, возможно, привезли из дальних стран, где оно много лет в морозильниках лежало, потеряло в значительной мере свои потребительские свойства, потом его привезли в Россию и добавляют спокойно в колбасу, и делают колбасы из всяких других заменителей говядины и свинины, какие могут быть, и прочее.

И как разрешается рассматриваемое противоречие?

Противоречие между планомерным характером социалистического воспроизводства и элементами стихийности в его организации разрешается благодаря использованию системы государственного планового централизованного управления. Здесь слово государственного решающее.

План – это система заданий участникам производства, направленных на осуществление государственных интересов, но если государство не будет пресекать попытки не выполнять планы, нарушать планы, планомерность будет разрушаться, осуществление интересов рабочего класса окажется под угрозой

Характерно, что после экономической реформы 1965 года, сориентировавшей экономику на рыночные показатели, выступал в печати в журнале «Вопросы экономики» член-корреспондент Академии наук Бунич с такой «новой экономической категорией», которую он назвал «допустимое невыполнение плана». Смысл ее в том, что можно выпустить продукции на 10% меньше плана и получить премию при этом. А что такое 10%? Вот, допустим, вы 100 000 выпускаете изделий, так 10% – это 10 000. 10 000 изделий не идут на тысячи предприятий. И эти тысячи предприятий запланированных изделий не получают, причём везде будет немножко не хватать. Раз немножко не будет хватать, то они не сделают то, что они затем должны поставить другим. А поскольку у нас развитая кооперация и разделение труда, то разрушение планомерности идет, как цепная реакция в атомном ядре. И что вы получаете? Вы получаете разрушение всей экономики. Но это было позже, но заложено в негативных сторонах рассматриваемых противоречий.

Если вы их не будете правильно разрешать, вы придёте к тому, что негативные действия разрешат их в направлении, противоположном социалистическому развитию, то есть в *буржуазном* направлении. А чтобы разрешать противоречия социализма по линии социалистического развития, а не по линии деградации и уничтожения социализма, и нужна государственная система планового централизованного управления.

Система государственного планового централизованного управления состоит из таких людей, которые сами по себе не являются рабочими, а являются по своему положению лишь государственными представителями рабочего класса (хотя мы с вами знаем, что и не все рабочие обязательно стоят на позициях рабочего класса). Так что надо понимать, что система управления, по необходимости,

содержит в себе противоречие между социалистическим характером системы государственного планового централизованного управления и элементами карьеризма, бюрократизма, ведомственности и местничества и другими мелкобуржуазными проявлениями, с которыми необходимо бороться. Если с этими явлениями не бороться, люди, которые находятся в системе управления, могут дорасти до бюрократов, обуржуазиться, но это уже другая категория.

Бюрократ – это разложившийся управленец, для которого главное в его деятельности – делать то, что выгодно ему лично. А бюрократизм как распространённый недостаток лиц умственного труда – ну, он присущ очень многим. Почти все, в той или иной мере, которые начинают заниматься какой-нибудь управленческой работой, вас заставляют посидеть, подождать, переписать, и так далее.

И Ленин давно придумал и предложил в «Государстве и революции» рецепт борьбы с бюрократизмом: «надо, чтобы все на время становились «бюрократами» – в кавычках, имея в виду, чтобы участвовали в управлении, – и чтобы никто не мог стать бюрократом. Для этого и в партийной Программе стоял пункт о том, чтобы при сокращении рабочего дня до 6 часов все проходили школу практического обучения технике государственного управления. Это по многим причинам не было реализовано и во многом предопределило поражение социализма.

У нас в 30-х годах при социализме широко развивалось движение рабочего совместительства, когда рабочие, поработав на заводе, потом проверяют работу учреждения, такого-то министерства, было организовано шефство рабочих над наркоматами.

И Сталин в этом в своё время участвовал, он же был, между прочим, наркомом Рабоче-Крестьянской Инспекции.

Затем занимался этим Орджоникидзе, но потом, как-то это, к сожалению, сошло на нет, и формы деятельности рабочих, связанные с контролем рабочих над госаппаратом, ослабли. И в этом ещё одна, весьма существенная, причина ослабления и затем утраты пролетарского характера государства.

Это могло повести к движению вспять и по отдельным параметрам государственной деятельности, и государственной деятельности в целом.

Если идёт движение вспять, то это ещё не контрреволюция. Допустим, можно было вернуться с уровня 1953 года на уровень 1941, на уровень 1939, на уровень 1938, затем на уровень 1936 года. Потом перейти в переходный период обратно, ещё пока не потеряв ни государственную власть, ни общую линию. Ну, как бывает отступление перед лицом превосходящего противника.

Но события у нас в СССР развивались по-другому. Произошел тот переворот, который был совершён Хрущёвым, а Хрущёв, как видно из его дальнейшей деятельности, являлся прямым противником и коммунизма, и коммунистической позиции, и рабочего класса.

Организованное им убийство Берии привело к тому, что в руках Хрущёва сконцентрировалась необъятная власть.

И вот эта необъятная власть была использована (быстро, сразу же) для разрушения общественной собственности.

Общественная собственность при социализме как была устроена?

Вот создавал, создавал товарищ Сталин и партия, и народ, создавали систему государственного планового централизованного управления. У нас были министерства и не так, как вот у нас сейчас есть, всего два министерства экономических: одно отрицательную роль играет в отношении экономического развития, а другое что-то положительное может сделать. Тем более оно оборонкой занимается. Министерство промышленности и торговли – вот единственное министерство, которое занимается экономикой. В СССР были десятки министерств. И вот Хрущёв приступил к уничтожению министерств как ключевых звеньев системы государственного планового централизованного управления социалистической экономикой уже в конце 50-х годов. Этот плод труда советского народа по созданию, системы государственного планового централизованного управления был уничтожен разом в 1957 году.

Соратники Сталина против этого выступали, но они к этому времени оказались в меньшинстве.

Как так могло произойти?

Вот Сталин, в одной из своих работ, говорит, что у нас за время войны три численности партии полегло. То есть, если взять численность партии, которая была перед войной, три такие величины, вот столько было коммунистов в числе погибших.

И пришли новые люди, может быть не столь зрелые, не столь решительные, ну, и, как вы понимаете, во время войны, самые решительные идут в атаку вперёд и гибнут.

Поэтому, вот, тут, конечно, эхо войны отразилось не только на отдельных людях, но, видимо, и в целом на государстве.

Мы знаем, что все попытки, скажем, того же Сталина как-то побудить так называемых союзников, чтобы они участвовали на основном театре военных действий долгое время ни к чему не приводили. Союзники всё время занимались войной за свои колонии, или отнятием чужих колоний, превращением их в свои, пока они не увидели, что Советский Союз имеет самую крупную армию, самую большую военную силу, причём, в том числе, в техническом отношении, что он самостоятельно сможет победить.

И тогда они вдруг сразу и примкнули, и разделили, как бы, победу над фашизмом. Вот что произошло.

Так вот, в 1957 году была уничтожена система государственного планового централизованного управления, поскольку отраслевые министерства были ликвидированы, и переведена в какое положение – в управление через совнархозы. То есть произошел резкий скачок назад. Ведь совнархозы когда у нас были – при Ленине, когда ещё только-

только собрались строить систему централизованного планового управления. Сначала Советы местные стали заниматься управлением на местном уровне. Потом появился Всероссийский Совет Народного Хозяйства, потом составление Плана ГОЭЛРО, и потом движение, которое привело только к 1928 году к тому, что у нас появился первый пятилетний план.

А без системы централизованного планового управления общественным интересам экономику не подчинить. Она была разрушена реформой 1957–1965 годов, но не все время её проводил Хрущев. Хрущева сняли, но преемники, достойные его, продолжили и реализовали то, что готовилась при нём.

Разрушение системы планового управления касалось, прежде всего, промышленности, но не обошло и сельского хозяйства. Министерства, обеспечивавшие плановое управление промышленностью, где, кстати, были сосредоточены наиболее квалифицированные сталинские кадры, были уничтожены в 1957 году, а в 1958 году были ликвидированы обеспечивавшие государственное плановое управление сельским хозяйством машинно-тракторные станции.

Я должен честно признаться, что пока я не перечитал сравнительно недавно изданные последние тома (тома 14 – 18) Собрания сочинений Сталина, я не вполне понимал ключевую роль машинно-тракторных станций в обеспечении планомерного подчинения производства колхозов общественным экономическим интересам.

Сталин объясняет, что неверно считать, будто колхозы имеют собственность на основные сельскохозяйственные средства производства. Это совершенно неверно, потому что земля государственная, она просто в пользование колхозам дана. И вся основная сельскохозяйственная техника (тракторы, сеялки, веялки, молотилки, комбайны и т.п.), вся сложная техника находится в руках государства и сосредоточена в машинно-тракторных станциях, единая сеть которых была создана, чтобы обеспечивать развитие производства в колхозах и подчинение его общественным экономическим интересам и превратить не только производство в городах, но и в деревне в обеспечивающее экономическую реализацию общественной собственности на основные средства производства.

Колхозы получают эту технику в собственность? Нет, не получают! Они получают: вспашку, обмолачивание... все работы, которые производятся механизированным путём. А за это они натурой сдают продукт машинно-тракторным станциям, то есть государству. Вот так осуществляется социалистическая смывка города и деревни.

А как до колхозов в деревне было? Вы могли привезти несколько мешков зерна на мельницу, к обычному мельнику, частнику, и два мешка или один мешок у него оставить за то, что он вам смолот зерно, а мешки с мукой увезти обратно домой. То есть такие отношения для крестьянина были понятны, просты, ясны. Государственные машинно-

тракторные станции как бы продолжили эти отношения, но уже не на рыночных, а на плановых началах, и наряду с совхозами обеспечивали подчинение производства в деревне общественным экономическим интересам, то есть экономическую реализацию общественной собственности в деревне. А у нас экономическая литература забита чепухой насчёт того, что у нас было якобы две собственности: некая общенародная, и кооперативно-колхозная. Видите ли, две общественных собственности. Ну, это же чушь, потому что общественная собственность одна – это собственность всего общества.

Чтобы собственность была собственностью всего общества, надо планомерно подчинять производство общественным интересам и в городе, и на селе.

Поэтому у нас было просто две формы планомерного подчинения производства общественным интересам: государственная форма и кооперативно-колхозная. Кооперативно-колхозная находилась в единстве с государственной формой, и государственные закупки не носили рыночного характера. Это не такие закупки, как на рынке: хочу продать, хочу не продать, а такая попытка была, в своё время, у кулачества: в 1928 году не сдавать хлеб государству по твердой цене. Тогда товарищ Сталин собрался и поехал в Сибирь заготавливать хлеб, и пишет, что поинтересовался, почему не сдают хлеб, почему судьи не применяют статью против спекуляции, это же спекуляция, потому что кулаки ждут, когда цены вырастут, бедняки хлеб государству сдали по твердым ценам, а кулак обернулся уже на других культурах, технических, и теперь не сдает хлеб, добиваясь роста закупочных цен на него. Так мы, – спрашивал Сталин, – будем партией бедняков, которая будет поддерживать тех, кто уже сдал государству хлеб, или партией кулаков? У нас другого выбора нет. Значит, надо этих самых кулаков привлекать за спекуляцию к уголовной ответственности. Почему же не привлекают? Оказывается, потому что живут у кулаков. И я, – говорит Сталин, – разговаривал там с судьями, с прокурорами: «Почему вы живёте в избах кулаков?», а там, дескать, «лучше кормят и там чище». Стали применять статью об ответственности за спекуляцию, и хлеб пошёл. Это была вот такая последняя большая образцово-показательная поездка товарища Сталина в Сибирь, в село.

Машинно-тракторные станции были государственной организацией по ведению сельскохозяйственных работ на селе в кооперации с колхозами и одновременно аппаратом государственных закупок в деревне, поскольку за осуществление механизированных работ колхозы расплачивались с машинно-тракторными станциями натурой. Это был тот самый аппарат, который должен был заниматься организацией дела подчинения деятельности колхозов общественным интересам.

Если в промышленности в 1957 году произошел возврат к совнархозам, то есть к тому исходному пункту, с которого началось строительство системы государственного планового управления,

то в сельском хозяйстве в 1958 году вообще была убрана та организация МТС, которая обеспечивала подчинение колхозов общественным интересам. Мало того, колхозы вообще умирали, поскольку их заставили купить технику бывших государственных машинно-тракторных станций, и колхозы все стали убыточными в одночасье. Государственные машинно-тракторные станции превратили в машиноремонтные станции при колхозах. А поскольку, у колхозов нет ни соответствующего оборудования, ни соответствующих специалистов, эти ремонтно-технические станции при колхозах что делали? Из двух ремонтируемых комбайнов делали один, потому что нет же ничего, ни запчастей, ни техники, ни оборудования, ни специалистов, ничего. А люди, которые работали в МТС, они же государственные работники — рабочие, они ушли в города, их с руками оторвали.

То есть, можно сказать, что пока ещё это была не контрреволюция, это было движение вспять. Причем это такое движение вспять, которое выходит за рамки социализма и отправляет страну назад, в переходный период. Только уже в переходный период не от капитализма к коммунизму, а от коммунизма к капитализму.

И это было уже в 1958 году, и в это время уже готовилась кампания по борьбе с так называемым культом личности Сталина. Чтобы это подлое и гнусное дело, которое провернул Хрущёв на XX Съезде КПСС, удалось, надо было его исподволь готовить.

Для этого надо было убить Берия, чтобы никто из серьёзных чиновников партийных не мешал грязному хрущевскому делу и не возражал против того, что будут говорить о Сталине.

Ну, на этой теме я долго останавливаться не буду, по той простой причине, что летом 2019 года в Ульяновке Ленинградской области в Доме-музее Ульяновых-Елизаровых прошла международная научно-практическая конференция, посвящённая Сталину, которая подтвердила, что антисталинизм — это форма антикоммунизма. Но ещё раньше это было сказано, когда мы отмечали 80 лет Великой Октябрьской Социалистической Революции. Соответствующая Конференция проходила первый день в Смольном, а второй день — в Мариинском дворце. Сюда приезжал Людо Мартенс, председатель Бельгийской партии труда и автор книги о Сталине, здесь была Нина Андреева. Вообще тут собрались люди, которые понимали роль Сталина как вождя рабочего класса, организатора победы социализма и продолжателя дела Ленина. На этой конференции в то же время было очень много троцкистов. И вот, мы, при этом большом скоплении троцкистов, которые причем очень хотели выступить обязательно в актовом зале Смольного, но получили слово только на второй день в Мариинском дворце, в итоге получили такое решение, что антисталинизм — это современный антикоммунизм.

А что следует из того, что антисталинизм — это современный антикоммунизм? Отсюда следует вывод о том, что если в партии в руководстве КПСС на XX съезде возобладал антисталинизм, значит, в

ней возобладал антикоммунизм, значит, в партии произошел антикоммунистический, то есть буржуазный переворот.

А в государстве ещё нет. Почему? Ну, потому что пока это ещё группка, это ещё не вся партия, и решений съезда партии об отказе быть партией рабочего класса и от осуществления правящей партией диктатуры пролетариата пока еще не было. На XX съезде антикоммунизм не принял еще открытой формы, и тот клеветнический доклад, который сделал Хрущёв на XX Съезде, был заслушан на закрытом заседании и даже в стенограмме съезда не был опубликован.

Зато хрущевцы умудрились этот доклад Хрущева переслать за границу, где все, кто хотел, его читали и на него ссылались, а мы, коммунисты СССР получили доступ к его тексту только тогда, когда в годы перестройки стали выходить «Известия ЦК КПСС», в одном из номеров которых был опубликован этот клеветнический доклад, который всё то, что делал Сталин, и то, что является величайшим достижением, конечно, не только Сталина, а и партии, и рабочего класса, и советского народа, трудящихся, то, что является делом социализма, всё это дело поливалось грязью.

Одно время мне казалось, что это было последнее заседание, на котором на головы делегатов съезда Хрущёв вывалил свои клеветнические домыслы. Но нет, после закрытого заседания, на котором Хрущевым был сделан это антисталинский, антикоммунистический доклад, ещё было заседание, посвященное директивам по XI пятилетнему плану. То есть всё это в рамках как бы рядовой работы Съезда. Из этого я делаю вывод, что первый секретарь с той командой, которая пришла вместе с ним, большую работу проделали, чтобы подобрать нужный им состав XX Съезда.

И миллионы рядовых коммунистов оказались в положении людей, которых оплевали всех вместе, обвинили в многочисленных смертных грехах. Потому что обвинения в адрес Сталина касались всех, потому что все в едином деле участвовали и в одночасье оказались объявлены соучастниками преступлений сталинщины. Ведь именно так писали о Сталине эти негодяи, отсюда и столь большое негативное значение таких клеветнических фигур, как Солженицын. Но наконец-то какие-то хорошие люди в Москве нашлись, которые решили, что, действительно, не надо сносить никакие памятники, просто они в надписи на памятнике Солженицыну в слове «Солженицын» только некоторые буквы золотом покрасили и получилась надпись: "**лжец**", то есть награда нашла этого подручного Хрущева. Но такой лжец нужен же был, который придумывал, что возили заключенных в вагонах так, что в купе были по 30 человек и тому подобное. Или что, дескать, десятки миллионов было расстреляно. А есть ведь данные, которые давало и КГБ, и ФСБ, что по приговору суда расстрелянных было около 600 тысяч. И это немало. Репрессированных контрреволюционеров в большой стране во время великой революции и не может быть мало. Обратитесь к Великой французской буржуазной революции,

которая с контрреволюционерами боролась не более мягко.

После хрущевского антисталинского доклада партия была, можно сказать, в нокдауне. Она не ожидала обмана, тем более со стороны первого секретаря ЦК партии. Но это урок на будущее – в партии не должно быть культа высшей должности. Поэтому мы сейчас еще в буржуазных условиях добиваемся, чтобы простые рабочие разбирались в политических, экономических и идеологических вопросах, чтобы не могли легко обмануть, обвести вокруг пальца. Для этого надо изучать марксизм в единстве трех его моментов – диалектического и исторического материализма, политической экономии и научного социализма. Однако как-то так получилось, что в 1946 году состоялось постановление ЦК ВКП(б) (не знаю, кто его готовил, подписи Сталина там нет), в котором говорится о создании Академии общественных наук и высших партийных школ, предполагалось изучение диалектического и исторического материализма, марксистской политической экономии, а овладение научным социализмом как теоретическим выражением борьбы рабочего класса, наукой о теории и практике рабочего движения почему-то не было предусмотрено. Зато в 1962 году сразу после XXII Съезда КПСС с подачи хрущевского подручного Суслова была сформирована новая дисциплина, оторванная от научного социализма и предлагавшаяся вместо него – научный коммунизм, в которой диктатура пролетариата как главное в марксизме уже не фигурировала. И в этом же 1962 году по распоряжению Хрущева были расстреляны рабочие, выступившие против повышения цен и понижения расценки. Этот расстрел рабочих показал, что принятое XXII съездом КПСС в 1961 году решение об отказе в программе партии от диктатуры пролетариата наряду с отказом считать правившую в стране КПСС партией рабочего класса означало, что произошел политический переворот, произошла контрреволюция, и государство в СССР из государства рабочего класса превратилось в свою противоположность – государство диктатуры буржуазии.

Неважно при этом, как оно называется: общенародным, демократическим, каким угодно – это уже не важно. Ленин давно объяснял, ещё в брошюре «Успехи и трудности советской власти»: «Мы, конечно, не против насилия. Мы над теми, кто относится отрицательно к диктатуре пролетариата, смеёмся и говорим, что это глупые люди, не могущие понять, что должна быть либо диктатура пролетариата, либо диктатура буржуазии. Кто говорит иначе, либо идиот, либо политически настолько неграмотен, что его не только на трибуну, но и просто на собрание пускать стыдно» [1].

То, что всякое государство носит классовый характер, – это азбука марксизма, и на это В.И. Ленин обращал внимание неоднократно. В статье «Мелкобуржуазная позиция в вопросе о разрухе» В.И. Ленин пишет: «В вопросе о государстве отличать в первую голову, какому классу «государство» служит, какого класса интересы оно проводит» [2].

В книге «Государство и революция» подчеркивается, что «по Марксу, государство есть орган классового господства» [3]. В статье «Грозная катастрофа и как с ней бороться» В.И. Ленин ставит вопрос: «А что такое государство?» и отвечает: «Это организация господствующего класса» [4]. Эту же мысль В.И. Ленин растолковывает в статье «Удержат ли большевики государственную власть?»: «Государство, милые люди, есть понятие классовое. Государство есть орган или машина насилия одного класса над другим» [5]. В Докладе на II Всероссийском съезде профессиональных союзов 20 января 1919 г. В.И. Ленин подчеркивает: «Вопрос стоит так и только так. Либо диктатура буржуазии, прикрытая учредилками, всякого рода голосованиями, демократией и т.п. буржуазным обманом, которым ослепляют дураков и которым могут теперь козырять и щеголять только люди, насквозь и по всей линии ставшие ренегатами марксизма и ренегатами социализма, — либо диктатура пролетариата» [6]. В подготовленной Лениным Программе РКП(б) было записано: «В противоположность буржуазной демократии, скрывавшей классовый характер ее государства, Советская власть открыто признает неизбежность классового характера всякого государства, пока совершенно не исчезло деление общества на классы и вместе с ним всякая государственная власть» [7]. В брошюре «Письмо к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком» В.И. Ленин классовый характер государства подчеркивает самым решительным образом: «Либо диктатура (т.е. железная власть) помещиков и капиталистов, либо диктатура рабочего класса. Середины нет. О середине мечтают попусту барчага, интеллигентки, господчики, плохо учившиеся по плохим книжкам. Нигде в мире середины нет и быть не может. Либо диктатура буржуазии (прикрытая пышными эсеровскими и меньшевистскими фразами о народовласти, учредилке, свободах и прочее), либо диктатура пролетариата. Кто не научился этому из истории всего XIX века, тот — безнадежный идиот» [8].

КПСС, которая на XXII съезде стала вполне антикоммунистической, объявила, что классовая борьба прекратилась, и тем самым демобилизовала рядовых коммунистов, рабочий класс, трудящихся перед лицом установившейся и готовой к наступлению при поддержке империалистических государств диктатуры буржуазии. С отказом на съезде от цели социалистического производства – обеспечения благосостояния и всестороннего развития всех членов общества и массовым буржуазным перерождением в класс буржуазии стали превращаться обюрократившиеся работники партийно-государственного, в том числе хозяйственного аппарата. Они превратили государственную собственность в свою корпоративную. В стране образовался государственно-капиталистический уклад. Экономическая реформа 1965 года переориентирована деятельность госпредприятий на стоимостные показатели и способствовала насаждению рынка. А разрушенная кооперативная форма общественной собственности стала превращаться в уклад частных

сельскохозяйственных предприятий с преобразованием кооперативов в частную собственность их руководителей.

Произошедшая в 1961 году буржуазная контрреволюция положила начало переходному периоду от социализма к капитализму, продолжавшемуся до 1991 года, когда капитализм в СССР стал наличным бытием, а сам СССР был уничтожен и превращен в группу буржуазных государств.

Теперь перед трудящимися во главе с рабочим классом и его партией стоит задача совершить четвертую русскую революцию, установить диктатуру пролетариата в России, помочь установить ее в других государствах бывшего Советского Союза и воссоздать Союз Советских Социалистических Республик.

Но вернемся снова к ключевой точке – к XXII съезду КПСС. Пролетарская армия ведет борьбу за полное уничтожение классов, и вдруг высший орган этой армии объявляет: «Всё, всё, все, не надо бороться за интересы рабочего класса, вся борьба прекращается, классовой борьбы нет», хотя классовая борьба мелкобуржуазности против социализма только разворачивалась ещё и развивалась в борьбу буржуазности за становление капитализма. Вам при этом от имени съезда объявляют, что государство диктатуры пролетариата, дескать, исчерпало свою функцию и стало общенародным, то есть, как бы, нет уже государства диктатуры пролетариата.

А ведь еще Энгельс разъяснял, что соединение двух слов, государство и народ, это как жареный лёд. Либо есть государство, и тогда оно не народное, а если оно народное, то оно уже не государство.

Поэтому общенародное государство на самом деле – это не просто безграмотность, это прикрытие уничтожения диктатуры пролетариата и замены диктатурой буржуазии.

И это прикрытие правящая в государстве партия, переставшая быть партией рабочего класса и объявившая об этом, ставит в программу, которая обязательна, между прочим, для всех членов партии, в отличие от всяких высказываний в докладе и в выступлениях Хрущева на Съезде. Но, если это уже программа партии, если вы не согласны с программой партии, будьте, тогда, пожалуйста, на выход.

Более того, ведь вопрос не о том, что написано, а дело в том, что для того, чтобы развитие шло и движение шло вперед, надо постоянно вести борьбу. Что называл Ленин диктатурой пролетариата в «Детской болезни левизны в коммунизме»? «Диктатура пролетариата есть упорная борьба, кровавая и бескровная, насильственная и мирная, военная и хозяйственная, педагогическая и административная, против сил и традиций старого общества». [9] Партия объявила, что не нужна борьба против сил и традиций старого буржуазного общества, а силы и традиции старого общества уже набрали как раз силу. Вот что произошло.

Поэтому вполне можно считать днём контрреволюции день принятия программы XXII Съездом КПСС.

А дальше уже, дальше так же, как было при строительстве социализма, но только наоборот.

Вот мы там создавали Госплан, создавали индустриализацию, проводили коллективизацию.

А здесь экономическая реформа, которая в 1965 году прошла, и которую готовил дружок Хрущева Либерман.

Три статейки в газете летом. Летом! Когда люди в отпусках! И, раз, сентябрьской пленум 1965 года, уже без Хрущева. Хрущев уже своё отыграл, а дальше группа, в которой всё время лица менялась, продолжала ту же самую линию, они убирали всё социалистическое, демонтировали социализм.

Вот экономическая реформа 1965 года – это полный переворот в целях.

Раньше мы имели главными показателями номенклатуру, производительность труда. Номенклатура — это, собственно говоря, удовлетворение потребностей. Производительность труда – это технический прогресс. Номенклатура стала не обязательным показателем, производительность труда не обязательным. Фондообразующие показатели: объём реализации, прибыль и рентабельность.

Всё свелось к прибыли, потому что рентабельность - это прибыль, делённая на величину фондов. Объём реализации - это сумма проданных продуктов ради прибыли.

Вы знаете, что тогда начался колоссальный рост цен. Народ стал возмущаться. Райкомы партии стали пытаться удерживать эти цены. Буржуазные контрреволюционеры стали натравливать трудящихся на райкомы, которые мешали обогащаться путем повышения цен.

Это был уже 1965 год, но для того, чтобы нам не сомневаться, что произошло на XXII Съезде КПСС, вспомним, что в 1962 году, впервые за всё время существования социализма, было принято решение о повышении цен на очень нужные народу продукты: на молоко, мясо и яйца на 30%.

После этого в этом же 1962 году были события в Новочеркасске. Там рабочие требовали то, что требуют рабочие по всему миру, чтобы цены не повышались, а расценки не снижали, и сейчас требуют, и за это государство никого пальцем не трогает буржуазное. Вот это и больше ничего не требовали рабочие.

По распоряжению Хрущева прислали войска и убили там 26 человек, а «зачинщиков» справедливой забастовки приговорили к смертной казни и расстреляли.

Это уже не просто диктатура буржуазии, а открытая террористическая диктатура. Не было такого закона, который бы позволял стрелять в рабочих, это уже фашистская диктатура. Мы такую фашистскую диктатуру видели и при Ельцине, когда стреляли из танковых орудий по Белому Дому.

Всё последовавшее после XXII Съезда КПСС было уже использованием иного по сравнению с диктатурой пролетариата, противоположного ей государства – буржуазного, государства диктатуры буржуазии.

Политическая контрреволюция произошла на XXII съезде правящей партии с принятием ревизионистской антикоммунистической программы, открывшей дверь для становления в СССР буржуазного строя, которое завершилось в 1991 году.

Список литературы

1. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 56.
2. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 247.
3. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 7.
4. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 191.
5. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 318.
6. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 438.
7. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 424.
8. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 158.
9. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 27.